

И.В. ЛУКИН

аспирант кафедры русской литературы
XI–XIX веков Орловского государственного уни-
верситета
E-mail: LUKINGOR@yandex.ru

МИФОПОЭТИКА «ОТЛУЧКИ» В РАССКАЗЕ А.П. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАТЬ»

В статье вскрываются элементы мифопоэтической традиции в рассказе А. П. Платонова «Река Потудань». Анализ взаимосвязей творчества Платонова с мифологией и фольклором помогает полнее и точнее сформулировать суть основного конфликта и художественной идеи рассказа А. П. Платонова.

Ключевые слова: Платонов, Фирсов, мифология, фольклор, иной мир.

В 1937-ом году вышел сборник рассказов Андрея Платонова «Река Потудань». Название книге дал один из рассказов, включённых в состав сборника, что позволяет считать этот рассказ ключевым в замысле автора.

«Река Потудань» – произведение о судьбах людей, прошедших через испытания гражданской войны. В центре этого рассказа стоит красноармеец Никита Фирсов, который на три года покинул дом, чтобы сражаться с врагами новой власти. По окончании войны Фирсов возвращается в родной город, но вместо радостей мирной жизни, молодого человека ожидают новые мучения. Война слишком изменила Никиту и других демобилизованных солдат, заставила их «жить точно впервые» [12: 425]. Возможно, поэтому в начале рассказа Никита описан как чужак на родной земле: «...точно пешеход был нездешний» [12: 426]. Фирсову тяжело освоиться на прежнем месте, и даже обретение любви становится для него мучением. Начало послевоенной жизни для Никиты сопровождается обилием кошмаров, болезней, он постоянно впадает в беспомощность и безнадежность. Война уничтожила прежнюю человеческую суть Фирсова, ввергнув его в мучительные поиски новой идентичности. В платоноведении широко распространён термин *квасисмерть*, применимый и к главному герою рассказа «Река Потудань»: Фирсов на войне испытывает духовное умерщвление, теряет свою прежнюю личность. Тяжёлое столкновение Никиты с новой реальностью и поиски в ней себя – основной конфликт произведения.

Рассказ «Река Потудань» вообрал в себя многие идеи и мотивы художественного мира Платонова. Н. Малыгина постулирует положение о типичном герое Платонова и замечает, что ему свойственно «погружение на «дно» жизни: в яму, в могилу, «растворение» в космосе, воде, предполагающее будущее воскрешение» [11: 63]. Полагаем, что идея жизни, следующей за квасисмертью, позволила рассказу

«Река Потудань» дать имя сборнику 1937-го года.

В изучении художественного мира Платонова важную роль играет поиск интертекстуальных связей его прозы с мифопоэтической традицией. Такой подход оправдан тем, что позволяет отчётливо увидеть идею, подтекст многих произведений Платонова. В частности, рассказ «Река Потудань» несёт в себе элементы фольклорного повествования, насыщен мифопоэтической семантикой иного мира, временной смерти и др. Выявление интертекстуальных связей произведения с архаической традицией подтверждает гипотезу о квасисмерти Фирсова, или, по Н. Малыгиной, «погружения на «дно» жизни» [11: 63]. Связь рассказа «Река Потудань» с мифопоэтическими текстами усиливает и идею возрождения его героев.

Цель статьи – формулировка центральной идеи рассказа «Река Потудань» с помощью анализа его мифопоэтической составляющей.

Роль фольклоризма в платоновском тексте

Многие произведения Платонова начинаются с того, что его герои покидают дом, семью, а затем в уже обновлённом качестве возвращаются на Родину. Так, например, построены рассказы «Возвращение», «Родина электричества», повесть «Джан», в том числе и интересующий нас рассказ «Река Потудань». В.Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» пишет о том, что множество сказочных сюжетов начинается с ухода, отбытия героев из дома, и именно вокруг этого в фольклорном повествовании разворачивается основной конфликт. Зачастую своего апогея «отлучка» персонажей в сказке достигает во время их смерти или временной смерти. В этой работе мы намерены выявить связь между отлучками героев из рассказа «Река Потудань» и мифолого-фольклорными текстами, которые строятся вокруг подобного мотива.

**Уход Никиты Фирсова на войну как
литературный аналог мифопоэтической
отлучки в иной мир**

«Река Потудань» состоит из целой череды уходов, отлучек персонажей этого произведения. Повествование рассказа начинается с того, как Никита Фирсов возвращается домой после гражданской войны, но сведения об отбытии этого героя из родной земли, о том, что происходило на полях сражений, даются автором отрывочно. То есть, о самой первой отлучке Фирсова, которая подготовила его последующее возвращение, мы знаем немного, однако этот элемент имеет в произведении большое значение, служит основанием для последующих событий «Реки Потудани». Перед описанием возвращения с войны Никиты Фирсова Платонов даёт характеристику всех демобилизованных солдат, и здесь необходимо отметить следующие слова: «душа их уже переменялась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы, – они шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей» [12: 425]. Выше Платонов пишет, что демобилизованные солдаты шли с «обмершим, удивлённым сердцем» [12: 425]. Мы видим, что участники войны совершенно переменялись со времени их отбытия из дома, стали узнавать всё заново, как новорождённые (в этом плане солдаты сближаются с травой, которую Платонов описывает в самом начале рассказа: трава умерла, оказалась затоптанной, но, затем, «опять отросла» [12: 425]). Омертвелое сердце солдат снова начало возвращаться к жизни после гражданской войны, которую можно рассматривать как аналог мифолого-фольклорной временной смерти. Описывая древний обряд посвящения, послуживший основой для многих фольклорных сюжетов, В.Я. Пропп пишет: «Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком. Это – так называемая временная смерть [13: 56] (или *квасисмерть*).

В связи с мотивами временной смерти и воскрешения в «Реке Потудани» необходимо отметить некоторые детали рассказа, свидетельствующие о его связи с мифолого-фольклорной традицией. Фирсов описан как человек, идущий «По взгорью, что далеко простёрто над рекою Потудань» [12: 426]. При описании родины Фирсова читаем: «То было покато, медленнее нагорье, подымавшееся от берегов Потудани к ржаным, воздымавшимся полям [12: 427]. Из приведённых отрывков следует, что путь Фирсова лежит вверх, он описан как человек поднимающийся. Оппозиция верха и низа имеет большое значение и в мифолого-фольклорных текстах,

и в творчестве Платонова. Описания городов или деревень, расположенных в низине, характеризуются в текстах Платонова наличием интертекстуальных связей с мифопоэтическими описаниями иного мира (см. «Чевенгур», «Родина электричества», «Джан» и др.). Отсюда можно заключить, что отлучка Фирсова на гражданскую войну явилась своеобразной отлучкой в иной мир, расположенный ниже родины главного героя, под нагорьем, которое описано в начале рассказа. В «яме» гражданской войны Фирсов перенёс квазисмерть с последующим изменением своей человеческой сущности (см. первые строки «Реки Потудани»). О том, что Фирсов отлучился когда-то не просто на войну, а в платоновский вариант мифологического иного мира, говорит ещё и само название рассказа – «Река Потудань». Поэтика этого заглавия изучалась многократно, в ракурсе нашей темы укажем на гипотезу Александра Лысова, полагающего, что река в рассказе «...это ещё и *дань по ту сторону* нашего органического бытия, стремление *по ту даль*» [10: 379]. Фирсов возвращается к себе домой из мира, который лежит *по ту сторону* реки Потудань, то есть из мира, сопоставимого с потусторонним измерением сказок и мифологических легенд. Образ реки, как и образ горы, отмеченный нами, служит в мифопоэтическом творчестве обозначением границы между «тем» и «этим» мирами, а, учитывая начало рассказа, где говорится, что красноармейцы «шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад» [12: 425], необходимо указать на мифологический образ Забыть-реки (см. об этом образе ниже).

Говоря о мотиве отлучки в «Реке Потудани», следует обратить внимание на то, что Фирсов находится вне дома три года: «Здесь пахло тем же запахом, что и в детстве, что и три года назад, когда он ушёл на войну» [12: 428]. Долгота пути персонажей волшебных сказок к иному миру и их пребывание там связаны, как правило, с числом три (Аф., 129; 130). Это в очередной раз наталкивает нас на связь «Реки Потудани» с мифопоэтической традицией в описании иного мира. Образ Никиты Фирсова также показателен в плане близости платоновского творчества с фольклором. Фирсов в семье своего отца – «последний», третий сын, который, подобно двум своим братьям, отлучился из дома на войну, но единственный вернулся живым. В сказке именно третий, младший сын после обоих своих братьев покидает дом, и только ему удаётся вызволить из иного мира мать или достать предметы, находящиеся в потустороннем измерении (например, маленькие яблоки, живую воду и т.д.).

В.Я. Пропп, анализируя волшебную сказку,

пишет об одном мотиве, который также, по нашему мнению, имеет прямое отношение к отлучке Никиты Фирсова на войну и его пребыванию вне дома. Фольклорист, анализируя сказку «Хитрая наука» (Аф. 249–253), обращается к ситуации, когда отец отправляет сына к обитателю иного царства (лесному учителю, старику, лешему и т.д.). Срок обучения длится в большинстве случаев три года. В начале рассказа «Река Потудань» автор описывает демобилизованных солдат, которые после войны не имели возможности сразу вернуться домой, но «задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали» [12: 426]. Это сходство между фольклорными текстами и рассказом Платонова подкрепляет нашу гипотезу о том, что Фирсов удалился не просто на войну, а в литературный аналог мифологического иного мира.

Различные формы беспамьятства Фирсова как отлучки

В рамках «большого» возвращения Фирсова (возвращения с войны, положившего начало действию рассказа) наблюдается локальная отлучка этого героя – сон около ручья. Практически ни одно исследование «Реки Потудани» не обходится без рассмотрения этого важнейшего элемента текста. В.А. Лукин уподобляет сон Фирсова «символической загадке, понять и разгадать которую получатель должен в последующем тексте» [9: 107]. Исследователь соотносит описание сна Фирсова с другими фрагментами «Реки Потудани», раскрывая его смысловое значение. Действительно, сон Фирсова должен быть рассмотрен не изолированно, а в связи с другими сценами, где герои рассказа спят или хотят спать, Никита погружается в состояние беспамьятства или бреда. Такой подход обусловлен тем, что сон, амнезия в «Реке Потудани» имеют между собой много общего, несут сходную семантику и имеют одни мифолого-фольклорные истоки.

Ранее было отмечено, что сон Фирсова – отлучка. Согласно славянским мифологическим воззрениям «сон – состояние человека, воспринимаемое как близкое к смерти («вечному сну»)» [4: 445]. М. Элиаде указывает, что «сон (Hypnos) – близнец Танатоса (Смерти), и в Греции, и в Индии, так же как и у гностиков слово «будить» имело сотериологическое значение в широком смысле слова» [14: 430]. А Л. В. Карасёв уже в связи с героями Платонова приходит к выводу, что «сон – временная смерть» и что «заснуть – значит, умереть, а умереть – значит, заснуть» [7: 30]. Таким образом, связь сна и смерти коренится в древних мифологических представлениях, и это проясняет сны героев Платонова.

Необходимо добавить, что по народным пред-

ставлениям сон представляет собой возможность совершить путешествие в иной мир, сон – состояние человека, когда его душа временно покидает тело и способна узнать о том, что находится за гранью жизни (ср. фольклорный жанр обмирания). Большое значение в этом плане имеет то, что Фирсов заснул неподалёку от реки Потудани и ручья, впадающего в неё, ибо «места у воды» являются одним из входов в иной мир, «зону смерти». [См.: 5: 463.].

В народной культуре существуют запреты, связанные со сном: «Опасно спать с открытым ртом, так как в человека может вселиться чёрт или заползти змея» [4: 445]. «Маленькое, упитанное животное, вроде полевого зверька» [12: 426], которое забралось внутрь Фирсова, чтобы «сжечь его дыхание» [12: 426] сходно со змеей, могущей, по народным представлениям, заползти спящему в рот. Конечно, сон Фирсова имеет метафорическое значение, иносказательно повествует о процессах, происходящих внутри главного героя. Так, наблюдается сходство между кошмарным сновидением Фирсова и фигурками, которые он лепил после работы: «он садился на пол и лепил из глины фигурки людей и разные предметы, не имеющие подобия и назначения, – просто мёртвые вымыслы в виде горы с выросшей из неё *головой животного* или корневища дерева, причём корень был как бы обыкновенный, но столь запутанный, непроходимый, *впившийся одним своим отростком в другой, грызущий и мучающий сам себя*, что от долгого наблюдения этого корня *хотелось спать*» [12: 446] (здесь и далее курсивом обозначены места, которые семантически близки со сном Фирсова). Очевидно, что глиняный корень, как и животное из сновидения, также является метафорой. В. А. Лукин полагает, что референтом корня является «мучающее Никиту осознание собственного бессилия» [9: 108]. Это осознание, как видно, неоднократно сопряжено в тексте с мотивом сна, который является в творчестве Платонова формой временной смерти героя. По замечаниям исследователя, референт корня и животного встречается в тексте не один раз и принимает различные формы. Это наблюдается, в частности, в следующем отрывке: «Он [Фирсов – *И.Л.*] сел на стул и пригорюнился: Люба теперь, наверно, велит ему уйти к отцу навсегда, потому что, оказывается, надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья, *и у него вся сила бьётся в сердце, приливает к горлу, не останавливаясь больше нигде*» [12: 444] Наконец, при соотнесении описания сна Фирсова и сцены с лепкой фигур из глины с описанием бреда Никиты, находятся места, которые сближают эти три отрыв-

ка и помогают окончательно установить референт животного из кошмара и глиняного корня: «Под вечер он потерял память; сначала он видел всё время потолок и двух *предсмертных* мух на нём, приютившихся погреться там *для продолжения жизни*, а потом эти предметы стали вызывать в нём тоску, отвращение, – *потолок и мухи словно забрались к нему внутрь мозга*, их нельзя было изгнать оттуда и перестать думать о них всё более увеличивающейся мыслью, съедающей уже головные кости. *Никита закрыл глаза, но мухи кипели в его мозгу*, он вскочил с кровати, чтобы прогнать мух с потолка, и упал обратно на подушку» [12: 438]. Сопоставление семантически близких фрагментов текста, связанных с состояниями сна и бреда, даёт основания для вывода, что «упитанное животное» [12: 426] – «это второе «Я» Никиты Фирсова, грызущее и мучающее его» [9: 109] и что «бессилие Никиты Фирсова – «мёртвый вымысел» его второго «Я», подобный страшному сну» [9: 109].

Как видно, сон в «Реке Потудани» сопровождается для Фирсова обилием чудовищ и кошмарных состояний, сон и болезнь Никиты несут в себе танатологическую семантику. В начале рассказа говорится о том, что демобилизованные солдаты «шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад» [12: 425]. Этот мотив беспамятства фигурирует и в описании болезни Фирсова и в той части рассказа, где он удаляется в Кантемировку. Описания сна и болезни, во время которой Никита потерял память, семантически близки друг с другом, характеризуются наличием «мёртвых вымыслов» [12: 446]. Состояние беспамятства в рассказе – это временная смерть истинной сути Фирсова, пробуждение его кошмарного второго «Я». Мотивы забвения, сна довольно частотны в мифологии и фольклоре, причём исследователи (например, Элиаде) рассматривают их в совокупности, не проводя чётких разделений. Потеря памяти – один из мифолого-фольклорных признаков нахождения героя в ином мире, а, значит, форма отлучки. На основании сказанного необходимо чётко отметить, что не только сон Фирсова, но и близкая к нему по семантике болезнь этого героя является отлучкой. Об этом говорит, во-первых, амнезия, настигшая Никиту во время болезни, и, во-вторых, следующие строки: «Болезнь стремилась увлечь его на сияющий, пустой горизонт – в открытое море, чтоб он там отдохнул на медленных, тяжёлых волнах» [12: 439]. В.И. Ерёмина, исследуя мифологическую составляющую фольклорного творчества, отметила, что в славянских лирических песнях море является символом всё того же иного мира, в который отправляются либо рекруты, либо

покойники, либо другие персонажи, переходящие в качественно новую форму существования [См.: 5: 26]. То же относимо и к мифопоэтическому образу горизонта [См.: 3: 462].

Но особое значение сон, амнезия, бред и прочие подобные состояния имеют в философской системе гностицизма и в гностических мифах. Хелли Костов отметила, что Платонов, создавая собственную мифопоэтику, во многом ориентировался на русский символизм с его увлечённостью эсхатологией, мистическими учениями и гностицизмом [См.: 8: 48]. Исследователь мифологии и религии Мирча Элиаде отмечает: «Амнезия (т.е. утрата собственной идентичности), сон, опьянение, оцепенение, падение, тоска по утраченной родине выстраиваются в ряд типичных гностических символов и образов» [14: 427] (Все перечисленные учёным явления характерны и для творчества Платонова). Гностики считали, что сон и беспамятство ведут человека к потере его истинного «Я», вернуть которое способны пробуждение и анамнез. В философской системе гностицизма сон и амнезия сравнимы с неведением и смертью, вторгают человека в плен другой, не принадлежащей ему сущности. В гностических мифах возвращение человеку его истинного «Я» происходит при участии помощника, который помогает ему пробудиться и вспомнить прошлую жизнь. Заключая анализ гностических образов, Элиаде пишет: «неведение, амнезия, плен, сон, опьянение – становятся в гностической проповеди метафорами *духовной смерти*. Знание даёт подлинную жизнь, т.е. спасение и бессмертие» [14: 431]. И, действительно, именно в процессе сна Фирсов едва не стал пленником ложной сути, олицетворённой в виде глиняных «мёртвых вымыслов» [12: 446].

Мифопоэтика образа отца Фирсова. Роль описания зимы

Особого рассмотрения требует образ отца Фирсова. В сказочной традиции все коллизии героев начинаются с отбытия героев из отчего дома, как правило, именно по заданию отца герой волшебной сказки отправляется в иной мир (это подтверждает и сюжет «Хитрой науки», упомянутый выше). Поэтому неоднократные отбытия Фирсова из отчего дома рассматриваются нами как «отлучки». Впервые Фирсов покинул отца, отправившись на войну, затем во время болезни, когда жил в доме Любы. Уйдя в Кантемировку, Никита покинул не только жену, но и в очередной раз потерял связь с отцом. Одно из отбытий Никиты из отчего дома происходит зимой, когда он уехал из города, «чтобы скорее перетерпеть срок до совместной жизни с Любой» [12: 441]. Вероятно, Фирсов покинул отца

и невесту, чтобы ослабить память о ней, то есть в очередной раз забыть. Амнезия – одна из особенностей нахождения мифопоэтических героев в ином мире, что укрепляет гипотезу о связи зимнего отбытия Никиты с мифопоэтической традицией в описании потустороннего пространства. Кроме того, находясь вне дома до весны, Фирсов однажды «спал в пустом классе на полу...» [12: 442]. Н.М. Малыгина пишет, что сон на полу (или земле) неоднократно встречается в творчестве Платонова и символизирует временную смерть героя, являет собой форму его упадка [См.: 11: 55].

Наконец, в тексте присутствует ещё одно, ключительное, отбытие Фирсова из отчего дома – брак Никиты. Перед женитьбой Никиты чувства его отца описываются следующим образом: «Сын вот только явился с войны и опять уходит из дома, теперь уже навсегда» [12: 442]. По замечаниям В.И. Ерёминной, в народном сознании свадьба тесно связывалась со смертью, свадебный и похоронный обряды несли в себе много общего, символизировали переход человека в новое качество, причём, родители невесты всячески подчёркивали в лирических песнях, что их дочь никогда не вернётся из дома жениха [См. 5: 91, 121] (у Платонова обратная ситуация). Однако сомнительно, что свадьба Фирсова в «Реке Потудани» может считаться отлучкой: в сказочном повествовании вслед за отбытием героя наступает его возвращение, а Фирсов покидает отца навсегда. В волшебной сказке свадьба происходит уже после прибытия героев из иного мира, поэтому не может считаться отлучкой. Помимо прочего, сказочная свадьба не акцентирует внимания на потере родителем своего ребёнка; мотивы отлучки и подготовки к пути присутствуют в начале, когда отец или царь отправляют сына в иной мир, но не при описании брака.

Возвращения из иного мира сказочных персонажей, как и возвращения Фирсова из литературного аналога потустороннего измерения, зачастую знаменуются свиданием с отцом после разлуки. Сцены встреч Никиты с отцом присутствуют в рассказе неоднократно: после возвращения героя с войны, после болезни Фирсова (когда «отец обрадовался возвращению сына» [12: 440] из дома Любы). Именно встреча с отцом послужила толчком к возвращению Фирсова в город после зимнего отбытия и бегства в Кантемировку. Это даёт основания утверждать, что безымянный отец Никиты несёт в себе не только черты фольклорного персонажа, посылающего своих детей за грани обычного мира, но выполняет и функции, сходные с функциями сказочных волшебных помощников.

Жизнь героев рассказа «Река Потудань» неза-

долго до свадьбы имеет значение не только в связи с зимним уходом Фирсова из дома (это отбытие послужило во многом своеобразной репетицией, прелюдией к бегству Никиты в Кантемировку). Зима перед браком Никиты и Любы показывает, что приход Фирсова на родину после войны не явился в полном смысле слова возвращением, воскрешением после временной смерти героя, что подтверждают слова: «Река Потудань тоже всю зиму таилась подо льдом, и озимые хлеба дремали под снегом, – эти явления природы успокаивали и даже утешали Никиту Фирсова: не одно его сердце лежит в погребении перед весной» [12: 441]. Этот отрывок относит читателя к началу рассказа, где сердце демобилизованных солдат названо «обмершим» [12: 425]. Зима перед браком Никиты несёт на себе черты фольклорного параллелизма: она сливается с душевным состоянием Фирсова, отражает его состояние. Описание зимы в рассказе соотносимо и с описанием болезни Никиты: «Но деревья, травы и зародыши мух ещё спали в глубине своих сил и в зачатке» [12: 441]. Во время болезни Никита испытал отвращение при виде мух на потолке. Спящие зародыши мух являются метафорой спящей половой силы Фирсова, его нераскрытой энергии (мухи во время болезни Фирсова занимались «продолжением жизни» [12: 438], то есть тем, что сам он долгое время сделать был не в силах). Таким образом, описание зимы в рассказе имеет множество автотекстуальных связей с различными его частями и является метафорическим изображением основного конфликта произведения.

Последняя отлучка Фирсова. Квасисмерть и воскрешение Любы

Пожалуй, всё сказанное о мифолого-фольклорных мотивах отлучки находит отражение в описании бегства Никиты в слободу Кантемировку. Никита удаляется из дома своей жены и находит пристанище на базаре, где проводит время в занятиях грязной работой и сне. Базарный сторож замечает незнакомого бродягу и даёт ему скудное пропитание за выполнение различных чёрных обязанностей: уборку публичных мест, рытьё ям для нечистот и т.д. На базаре Фирсов отвыкает говорить, описывается как «немой человек» [12: 450]. Это в очередной раз наталкивает на связь рассказа «Река Потудань» с мифопоэтической традицией. Немота в народном сознании «выявляет принадлежность того или иного существа к потустороннему миру» [1: 303]. В мифологии немой человек воспринимается как чужой, нечистый (в глазах базарного сторожа Фирсов выглядит «чужим, утомлённым существом» [12: 449]). В связи с мотивами

сна необходимо особо подчеркнуть, что Фирсов, находясь в Кантемировке, постоянно спит – это также относит рассказ к мифопоэтической традиции в описании иного мира и к учению гностиков о состоянии сна как духовной смерти человека, особенно с учётом того, что сон Никиты на базаре соседствует с беспамятством: «Отвыкнув сначала говорить, он и думать, вспоминать и мучиться стал меньше» [12: 450], и «многолюдство народа, шум голосов, ежедневные события отвлекали его от памяти по самому себе и от своих интересов – пищи, отдыха, желания увидеть отца» [12: 450]. Вдобавок, сон Никиты в Кантемировке снова связан с мотивами земли, низа: «он спал на крышке выгребной ямы за отхожим местом» [12: 449]. В другом месте рассказа описано, как Фирсов засыпает «в пустом ящике» [12: 450] (Умозрительно это вызывает ассоциации с покойником в гробу). Базар в «Реке Потудани» характеризуется ещё одним танатологическим мотивом – пищей, которую ест Никита. Фирсову сторож выделяет еду, взятую из помойного места, то есть нечистую, несвежую. Л.Н. Виноградова отмечает: «Обратность того света по отношению к земному миру может быть отмечена и в поверьях, по которым умершие питаются антипищей (падалью, навозом)» [3: 463]. О роли пищи писал и В.Я. Пропп, отмечая, что герой волшебной сказки, стремящийся в иной мир, в избушке яги обязательно должен есть то, что ему предложат. Исследователь замечает, что, по народным представлениям, «человеку, желающему пробраться в царство мёртвых, предлагается особого рода еда» [13: 67] и, «приобшившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших» [13: 67]. Итак, базар в Кантемировке несомненно несёт на себе черты мифологического иного мира, царства мёртвых (об этом, помимо всего прочего, говорит и то, что Фирсов попал туда, идя следом за нищим – герои некоторых сказок (например, Аф., 130) попадают в иной мир с помощью проводника, в качестве которого может выступить демонический персонаж или мифическое животное – птица, волк, олень и др.). В художественном мире Платонова это не единственный случай, когда базар отмечен в тексте танатологической окраской. Х. Костов, анализируя мифопоэтику романа «Счастливая Москва», отмечает, что его герой Сарториус проходит своеобразное инициационное испытание на Крестовском рынке, в описании которого исследователь видит элементы мифологического царства мёртвых. По словам Х. Костов, на рынке Сарториус переживает квазисмерть, вслед за которой наступает качественное изменение этого героя, его перерождение, сравнимое с воскрешением [См.: 8: 215]. Базар в

Кантемировке также «умерщвляет» Никиту, лишает его собственного «Я», но затем Фирсов возвращается к Любе возрождённым человеком.

Но больше всего связей описание жизни Никиты на базаре имеет не столько со сказочной традицией, сколько с гностическим мифом «Гимн о жемчужине», который в книге «История веры и религиозных идей» исследовал М. Элиаде. Герой этого мифа – принц с Востока. Он покидает родину и отправляется в Египет, чтобы отыскать жемчужину, укрытую посреди моря. В Египте принца забирают в плен и кормят едой, от которой он теряет память и впадает в крепкий сон. Родители принца узнают о судьбе своего сына и посылают ему письмо с призывом пробудиться ото сна, вспомнить себя и свою миссию. Письмо прилетает принцу в образе орла, превращается в слово и помогает герою вернуть его истинную суть [См.: 14: 427]. В этом мифе принцу удаётся восстать ото сна благодаря родителям, подобно Фирсову, к которому прежние чувства и память возвращаются после свидания с отцом на базаре.

Окончательное возрождение Фирсова начинается в слободе Кантемировке, когда в нём «тронулось сейчас сердце, отвыкшее от чувства» [12: 452]. На базаре во время встречи с отцом у Никиты «ссохлось горло» [12: 452] из-за долгого молчания, которое оказалось, наконец, прерванным. Ранее отмечалось, что горло в рассказе является метафорическим изображением средоточия спящей половой силы Фирсова, именно в горло пытался пробраться зверёк из его кошмара. На базаре отец Никиты пророчит сыну избавление от несчастий следующим образом:

«– У тебя горло, что ль, болит? – спросил отец – Пройдёт!» [12: 452].

Может сложиться впечатление, что мифопоэтические элементы отлучки из дома и посещения иного мира в «Реке Потудани» свойственны только Никите Фирсову. Но в финале рассказа встречается упоминание о том, что невеста Никиты Люба пыталась покончить с собой в водах Потудани. Однако отец Фирсова сообщает сыну эту новость так, будто Люба довела свой замысел до конца: «В реке утопилась» [12: 452]. То есть, Люба, как и Фирсов, испытала квазисмерть, связанную с рекой, несущей в тексте мифопоэтическую семантику иного мира. Причём, попытка самоубийства повредила горло Любы – место, где, по замечаниям А. Жолковского, у платоновских героев находится душа, средоточие их сущности [См.: 6: 45] (незавершённое самоутопление Любы привело к тому, что у неё из горла текла кровь). Квазисмерть Никиты на базаре и квазисмерть Любы во время отсутствия мужа отразились на этих двух героях сходным образом: их

причислили к умершим, у обоих пострадало горло. И Люба, и Фирсов вслед за квазисмертью испытывают воскрешение. Воскрешение Фирсова началось в Кантемировке, когда он вновь обретает память, дар речи и прежнюю силу чувств. А Люба «возвращается к жизни», когда к ней после долгой разлуки приходит муж: «– Иди скорей ко мне! – попросила она своим прежним, нежным голосом и протянула руки Никите» [12: 453]. Следует отметить, что возвращение Фирсова из Кантемировки сходно с его возвращением к отцу после войны: Никита приходит к Любе ночью, его жена спит, как и отец во время прибытия сына; Никита также, как и вначале рассказа, стучит в окно дома. Возможно, сходство этих фрагментов рассказа говорит о кольцевой композиции рассказа с той оговоркой, что приход Фирсова к жене стал окончательным возвращением героя. Если после первого прибытия Никиты он продолжает нести на себе признаки временной смерти, амнезии и инобытия, предречённого сном, то свидание с Любой в конце рассказа является подлинным воскрешением Фирсова. Об этом говорят слова: «сердце его теперь господствует во всём его теле и делится своей кровью с бедным, но необходимым наслаждением» [12: 454]. Теперь сердце Фирсова не названо «обмершим» [12: 425], «не лежит в погребении» [12: 441].

Заключение

Итак, на основе сопоставления рассказа «Река Потудань» с мифологическими текстами мы выделили следующие мифолого-фольклорные элементы отлучки в произведении писателя: отбытие Никиты Фирсова на гражданскую войну (это событие присутствует в рассказе заочно, но имеет основополагающее значение – именно с ухода на войну для Фирсова началась череда временных смертей и воскрешений); кошмар Никиты; его болезнь; зимний отъезд Фирсова из города; побег Никиты в слободу Кантемировку; попытка самоубийства Любы. Необходимо заметить, что отлучка в этой статье понималась шире, чем в книге Проппа «Исторические корни волшебной сказки», – Пропп, говоря об отлучке, подразумевал отбытие сказочных персонажей из дома, мы же добавили в этот термин и мифопоэтический мотив посещения иного мира (такое расширение возможно с учётом того, что сказочные персонажи, покидая дом, отправляются в потусторонние измерения). Каждая из отлучек героев «Реки Потудани» несёт в себе танатологическую окраску, является квазисмертью, за которой следует возрождение. Можно сказать, что Платонов многократно воспроизводит религиозную схему жизнь – смерть – жизнь, и рассказ «Река Потудань» несёт в себе ярко выраженную Пасхальную идею.

Библиографический список

1. *Агапкина Т.А.* Молчание. Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 303–304.
2. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки (полное издание в одном томе). М.: Альфа-книга, 2008.
3. *Виноградова Л.Н.* Тот свет. Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 462–463.
4. *Гура А.В.* Сон. Славянская мифология: Словарь-справочник. М.: Международные отношения, 2002. С. 444–446.
5. *Ерёмина В.И.* Ритуал и фольклор. Ленинград: Наука, 1991.
6. *Жолковский А.* «Фро»: пять прочтений. Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 23–49.
7. *Карасёв Л.В.* Знаки покинутого детства (постоянное у А. Платонова). Вопросы философии. 1990. № 2. С. 26–43.
8. *Костов Х.* Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки: Helsinki University Press, 2002.
9. *Лукин В.А.* Художественный текст. М.: Ось-89, 1999.
10. *Лысов А.* «Мой луговой Иордань...» Андрея Платонова (О национальной характерологии и культурно-природных атрибуциях в рассказе «Река Потудань»). «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 376–387.
11. *Малыгина Н.М.* Художественный мир Андрея Платонова. М.: МПУ, 1995.
12. *Платонов А.П.* Счастливая Москва. Платонов А.П. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2011.
13. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛГУ, 1986.
14. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей (от Гаутамы Будды до триумфа христианства). М.: Академический проект, 2009.

I.V. LUKIN

MYTHOPOETICS OF LEAVING IN A.P. PLATONOV'S STORY «THE RIVER OF POTUDAN'»

There are parallels in the article between a story written by A.P. Platonov «The river of Potudan'» and mithopoetical texts. With the help of correlations between Platonov's works and mythology as well as with the folklore the work defines the main conflict and idea of the story «The river of Potudan'».

Key words: Platonov, Firsov, mythology, folklore, other world.

